

Волышовская старина*

11. ОХОТА

ПРИВЕРЖЕННОСТЬ владельцев имения к занятию охотой имела глубокие корни. Еще Васильчиковы положили начало этому направлению и в облике Волышова, и в образе жизни его населения, особенно его низшего слоя. Тщательнее всего подбирались люди для конюшен, псарников, птичьего двора.

В имении Строгановых к началу нынешнего века, несмотря на отсутствие владельца, постоянно жившего во Франции или в Италии, сохранялись все постройки охотничьего хозяйства, вся его организация. Управляющим охотой был, как мы уже говорили, Григорий Павлович Пеший. Наравне с главным управляющим он имел целый штат служащих, ведал подбором людей для охотничьего хозяйства, присматривал за множеством зданий и имел право прямой связи с графом Строгановым.

Центром охотничьего хозяйства были здания арабской конюшни и псарника. За красивыми решетками в главном дворе псарника можно было целый день любоваться породистыми собаками. Задний двор служил "жилым" для щенков и местом для хозяйственных построек, а также жилых домов для охотников. Перед псарником находилось здание из дикого камня, прозванное зверинцем, в котором держали живых трофейных хищников, в том числе и медведя.

Особенно популярной была осенняя охота. Официальной хозяйкой имения в это время на несколько недель выступала сестра графа М.А.Ягмина, но фактически страдная пора была для всех, от главного управляющего до рядового охотника. На осеннюю охоту приезжали самые видные представители не только местной знати, но и сановные лица из Петербурга, не говоря уже о всех родственниках графа, в первую очередь князьях Щербатовых и Васильчиковых.

В графском доме для каждой знатной семьи были особые номера, в их распоряжение предоставлялись кабинеты, столовая, библиотека с книгами на разных языках. Однако главное было все-таки не в комфорте, а в удовольствии от охоты.

Готовились к ней следующим образом. Сначала под руководством управляющего охотой проводили разведку, чтобы определить место, где будет ждать удача. Уже в то время лесов вблизи от Волышова было мало, как и во всем Порховском уезде, более богат на леса был край, примыкающий к Дедовичам. Расстояние от

*Продолжение. Начало в №№ 3/95, 4/96, 5/96.

Настоящее издание подготовлено :: печати дочерью Г.В.Проскуряковой Н.Н.Масленниковой.

Вольшова играло немаловажную роль, так как возраст многих гостей диктовал ежедневное возвращение на базу. Для переездов на место охоты и обратно мобилизовался весь возможный транспорт.

Охотились в основном на зайцев, так как дичи покрупнее было мало. Хотя изредка и случались встречи местных жителей с волками и медведями, но гарантии того, что эти хищники попадутся на глаза во время охоты, не было. Однако могло случиться так, что и зайцы не попадутся, а удовлетворить гостей надо всех. И тут приходится отметить особые охотничьи "хитрости". В охотничьем хозяйстве держали несколько десятков зайцев, заранее отловленных для такого случая. Их и выпускали из хозяйственных фургонов в самый разгар охоты поближе к стрелкам. Тут уж успех был гарантирован.

Охота была не только праздником для гостей: в облавах участвовали и местные крестьяне, а те, кто непосредственного участия не принимал, присутствовали как зрители на представлении. После охоты из добытой "дичи" готовили жаркое, перепадало и жителям села. Кроме этого, всех угощали пряниками.

Необходимо сказать несколько слов и об охотниках - специалистах своего дела, которые весь год трудились на конюшне, с собаками. Их работа оценивалась во время охоты. Так, по степени выучки собак можно было определить, сколько труда вложено в их "воспитание". Профессия охотника в Вольшове почиталась не меньше, чем садовника, повара или любого другого служащего. Важной персоной был помощник управляющего Прокофий. Профессионалами в своем деле всегда считались "борзятники" - два Михаила, Грубов и Платов: они учили собак важнейшей роли - найти добычу, преследовать ее и схватить, после чего доставить в целости хозяину. Гончими ведали "доезжачий" Иван, по прозвищу Языня, и Дмитрий Глазков, самый правдивый и добрый человек. Эти охотники держали в своих руках главную стаю, в несколько десятков гончих собак.

Теперь можно легко понять, какая на всех лежала ответственность. Ошибка повара или горничной всегда поправима, но многие моменты на охоте неповторимы, и ошибка охотника могла вызвать большое недовольство. Гостями Вольшова были люди не только знатные, но и зачастую с большим опытом охоты, требовательные. Так что от местных служащих требовалось много профессионализма.

12. СОСЕДИ-КРЕСТЬЯНЕ

Мы уже видели, каким сравнительно многолюдным селом было Вольшово, и вместе с тем, как мало были связаны между собой жившие в нем люди. Несмотря на то, что почти никто не уезжал и не появлялся вновь, не только дружбы, но и интереса друг к другу у вольшовцев не чувствовалось. Как и во всем государстве, давали о себе знать иерархические перегородки: дружить полагалось с "ровней" или с прямыми товарищами по одинаковой работе - в мастерской, на конюшнях и фермах. Но и в этом случае людей разделяли и возраст и степень благосостояния.

А в окружающих деревнях жило много крестьян, и они в селе оказывались часто заметнее, чем его постоянные жители: с ними завязывались или шли издавна разнообразные связи, часто они начинались как деловые, а потом делались глубоко личными, человеческими.

Уже в конце XIX века и тем более в первые полтора десятилетия XX пореформенные отношения крестьян с государством и помещиками вполне определились, и, хотя делались все более натянутыми и чреватými взрывом, они резко отличались от прежней подавленности с редкими вспышками стихийной отчаянной борьбы времен крепостного права. Все больше страдая от малоземелья и “чересполосицы”, как они кратко обозначали землевладение общины, крестьяне уже хорошо понимали, что корень зла не в воле отдельных помещиков, а в самом государстве. Крестьянин Е.Д.Андреев, отвечая в 1906 году на вопросы анкеты о крестьянских волнениях в Порховском уезде (в Дедовичской и Пожеревицкой волостях), написал, что крестьяне были возмущены против правительства, а не против “своих помещиков”; что при наделе не в 5 десятин на душу, а в 2,5, как было во многих селениях, крестьянам “не хватает всего: и покосов, и выгонов, и пашни”...

Выход был прежде всего в аренде: тяжелой, “исполю” или “из третьей копны” (в пользу крестьянина) - за покос; по три рубля за десятину - за выгон; из года в год дорожающий - за пахотную землю, “пустоши”.

Второй выход - заработки: поденные, помесячные, отходничество сезонное и уход части семей в города. Деньги были нужны для уплаты податей и налогов, арендной платы, хозяйственных закупок. Эта третья статья оставалась всегда на последнем месте.

Крестьянские волнения, особенно сильные в 1906 и 1907 гг., начинаясь с порубок леса и самовольных покосов на помещичьих лугах, доходили до захвата земель и забастовок. Порховское уездное земство в голодном 1886 году отказывалось собирать сведения о нуждающихся в суде на семена, боясь дразнить крестьян, хотя в первые после реформы десятилетия крестьянские волнения вспыхивали редко.

Напуганное бурным аграрным движением первой русской революции, правительство провело столыпинскую реформу. Закон 6 ноября 1906 г., разрешивший выход крестьян на хутора и отруба, очень сказался на обстановке в Порховском уезде: по количеству выходов из общины он вместе с псковским был впереди всех остальных.

Вокруг Вольшова образовалось много хуторов - и еще тяжелее стало положение крестьян, оставшихся в общине. Расслоение, начинавшееся благодаря оброчной системе еще в XIX в., теперь пошло значительно быстрее. Как же все это чувствовалось в Вольшове? По-видимому, большая часть земель, закрепленных за строгановскими именьями, отдавалась в аренду крестьянам. Об этом можно судить по тому, что в пору обоих сенокосов к важне у въезда в село, против почты, лился нескончаемый поток возов с сеном со всех направлений - через Дорогини, Бор, Великое село. Но в селе не было действующей мельницы, не было больших амбаров для зерна. Можно думать, что арендная плата за “пустоши”, за землю бралась деньгами.

Главным источником денежного дохода оставался для крестьян лен, закупавшийся льяными конторами или скупщиками - купцами и кулаками. Неурожай льна был страшнее неурожая хлеба,¹ как об этом писалось в “Вестнике Губернс-

---

¹Отсюда поговорка: “спать как лен продавши” (значит, спать крепко, хорошо).

кого Земства” еще в 80-х гг. XIX в. Но воздeльвание льна требовало многополья, посевов клевера, высокого уровня животноводства - и, значит, с ростом расслоения возможность льносеяния все больше переходит к зажиточной части деревни.

И результат всей совокупности условий - все усиливающаяся экономическая отсталость Порховского уезда, даже по сравнению с другими уездами Псковской губернии. Эта отсталость наметилась давно, с XVII века, когда географические пути на Псков, на Прибалтику, на Петербург оказались важнее дорог на Великие Луки и в Литву. Строительство железных дорог тоже не совсем удачно коснулось уезда (почти любая поездка требовала пересадок).

Получался заколдованный круг: все меньше земли, все больше налоговый гнет, все труднее кабала аренды, а чересполосица не дает никакого простора инициативе, и нет средств на улучшение хозяйства. Земля истощается, все меньше скота в хозяйстве, все ненадежнее завтрашний день, и масса крестьян обречена на полунищенское существование, на ведение почти натурального хозяйства, на применение прадедовской техники.

С жалостью, сочувствием, уважением можно вспомнить ручные жернова почти в каждом доме, деревянные бороны и сохи (в Порховском уезде в 100% хозяйств), серпы, косы, ножи, иголки, переходившие из поколения в поколение. И как символ отсталости - средство гужевого транспорта, “спичуга”, еще носившая название “беда”. Они сохранились до сравнительно недавнего времени - эти маленькие повозки, одноколки, сделанные из крепких древесных сучьев. Тщательно очищенные от коры, блестящие от долгого употребления, шесть сучьев торчали кверху; на нижнюю их часть, загнутую под прямым углом, набивалась доска “сиденья”, к ней крепились оглобли и ось с двумя колесами. В “беду” можно было запрячь самую хилую лошадку, для нее почти не существовало непроходимых дорог, но человек, сидевший на доске между колесами, ехал в неестественно наклонном положении. Ни клоч сена, ни дощечка, прибитая к сиденью, как ступенька для упора ног, не делали передвижение на “беде” более или менее удобным, поэтому часто можно было видеть, как хозяин использует свой транспорт для поклажи, сам же идет босой, а если из города, то бережно повесив сапоги на нижние колья (спицы) “спичуги”.

Прялки в Порховском уезде тоже были в девяти домах из десяти самые примитивные, без колеса; масло выжимали такими же жомами (пестами) и в таких же деревянных сосудах, какие находят архeологи при раскопках жилищ XIV века.

В Порховском уезде, и вокруг Вольшова в частности, было много деревень, живописных с виду: издавна во многих из них разводились сады, вдоль проезжих дорог росли деревья - березы и ивы, как и в Вольшове. У изб были палисадники, стояли скамейки или их заменяли завалинки под окнами. Но большая часть жилых строений сразу выдавала бедность их хозяев: низкие, часто покосившиеся, тесные избы, даже если и пятистенки, то с летней, неотапливаемой половиной, с однообразным скудным устройством внутри жилья.

Вдоль голых бревенчатых закопченных стен тянулись лавки, в “красном” углу, под иконой, стояли чисто отскобленный стол, несколько передвижных скамеек. Ближе к входу хозяйственная утварь - кадки, ведра, глиняный рукомоиник (летом многое из этой утвари было в сених). Близ большой русской печи на брусe, при-

крепленном к потолку, повешена “зыбка” - колыбель. На печи - место, где спали обычно старики и дети, кроме самого младшего; взрослые - по лавкам и на полу. В сенях летом, за занавеской у печки зимой стояла самодельная кровать для хозяев дома.

Освещение в избе - лучина в светце или керосиновая лампа самого мелкого размера (со стеклом в 3 или 5 линий), а у богатых людей в городе были уже лампы и в 25 линий, с круглым фитилем.

Крыши у всех изб соломенные, часто ветхие, и под ними, кроме жилья, было помещение для скота, впрочем, и телята, и ягнята, и цыплята в холодное время приносились в избу. В избе обычно было видно мало вещей почти никакой одежды, но в каждой семье был хотя бы маленький сундук, обитый жестью, купленный на ярмарке, данный в приданое за невестой (крышку изнутри многие оклеивали картинками, чаще всего бумажными от конфет). А в сундучке - самое дорогое, в том числе платье, у стариков - убор на похороны.

Бедность, убогость наших псковских изб особенно бросается в глаза, когда сравнишь ее с домами некоторых других областей, хотя бы Кировской, бывшей Вятской. Там было изобилие леса, простор, и до сегодняшнего дня там можно увидеть столетние избы-красавицы: высокие, крытые тесом, с просторными полатями на уровне печи (а полати ограждены точеными балясниками), с широкими скамьями и поставцами. В этих вятских избах тоже была бедность, и скот держали в домах, в сенях и “на вышке”, т.е. на чердаке. В них, как и в порховских, бросалось в глаза отсутствие вещей, одежды на виду, а на полатях лежали комом стародавние обноски на все случаи жизни, называемые “лопать”. И все-таки дома в богатых лесом и топливом вятских деревнях были больше, основательнее, прочнее скудных псковских изб.

Иначе выглядели дома на хуторах, у “стольпинских мужичков”. Они были за оградой и под замками (и порховские, и вятские закрывались задвижной щеколдой: все равно украсть нечего), в несколько комнат, разделенных хотя бы тонкими перегородками, не доходящими до потолка. Для запасов в доме были кладовки при кухне, амбары из дикого камня во дворе. В домах изредка были мезонины, но обязательно в доме была “зала”, а в ней, вместо старых скамей по стенам, ряды городских, гнутых, “венских” стульев. В доме на хуторе были обои на стенах, киот с образами и другими предметами культа - “святой” водой, свечами, комоды, “шкапы”. Появилась и подставка для письма - “конторка”; были и небольшие полки с книгами, свидетельствующие о грамотности если не хозяина, то его сыновей. На хуторах были заметны и другие черты быта, порывающего с прошлым: машины и улучшенные земледельческие орудия, сепараторы и ледники для молочного хозяйства, телеги и тарантасы вместо спичуг (постепенно развивалось товарное хозяйство, идущее на смену натуральному). На каждом почти хуторе что-нибудь продавалось: масло, сливы, яблоки, груши.

Одежда новых хозяев на хуторе мало отличалась от городской, но вся масса крестьян сохраняла в своем обиходе вещи, сделанные собственноручно или деревенскими ремесленниками. Холст и посконь, домотканое сукно, выделанные овчины, шерсть были главным материалом для изготовления и белья, и платья (домашнего и верхнего), и обуви. Льняную пряжу умели хорошо окрасить шелухой от

лука, но для одежды предпочитали покупать две краски - красную и "голубку". Из пряжи двух цветов - белой или суровой с красным или синим - ткали большую часть холста, в мелкую клетку; он шел на рубашки и брюки (правильнее-то сказать "порты") мужчинам, на сарафаны и передники женщинам, на скатерки и детские вещи. Из неокрашенного, беленого, но оставшегося "суровым" холста шили "исподнее", верхние рубашки для женщин, полотенца, портянки.

Экономическая отсталость Порховского уезда видна была во всем. Ткацкие станы были узкими, поэтому лишь в редких домах женщины выдвигали широкие полотенца или красивую льняную кисею. Фабричные ткани, миткаль, ситец, не говоря уже о сатине или шерстяных материях, в деревнях были редкостью: их покупали на большой наряд, на приданое дочерям. Пестрые, "цветастые" хлопчатобумажные материи служили зачастую отделкой для льняных: так, к льняной женской рубашке, одевавшейся под сарафан, пришивался ситцевый верх или кисейные рукава.

Замужние женщины, которые не должны были ходить "простоволосыми", с утра одевали на голову "повойник" - удобную, собранную сзади на сборки шапочку из фабричной материи с узорной каемкой к лицу. Впрочем, молодые женщины в XX веке уже отходили от сарафанов и повойников, но на смену появлялась одежда, красившая их еще меньше, чем старинная: от старух до девочек все стали носить длинные юбки со сборами, кофты "на выпуск" и ситцевые белые или, реже, цветные платки с мелким рисунком. Передники, по возможности поярче, одевались чаще в виде украшения, чем для работы. Повседневная одежда мужчин безобразила их не меньше, чем женская: домотканые, полинявшие, сшитые неумелыми руками штаны и рубахи-косоворотки, подпоясанные витым или кожаным ремешком, - так они одевались во все времена года. Вся эта одежда могла бы быть и красивой, если бы ее не занашивали до потери цвета и фасона и если бы не шили "в обрез", жалея лишние вершки.

Обуви "летом" - а это значит, с ранней весны до поздней осени, - никакой не носили: берегли для церкви, для праздника, для поездки в город единственные на много лет сапоги. Но и лапти с онучами, и поршни, и валенки тоже были немалой ценностью, потому что далеко не каждый был в состоянии их для себя "справить".

Праздничный наряд был не у каждого, но все-таки у большинства. Для того, чтобы его приобрести, искали заработков, отказывали себе в самом необходимом. А так как "мода" была в общем устойчивой, хранившиеся в сундуках ситцевые рубашки, платья, платки-шали, теплые жакетки-"гейши" служили не одному поколению.

В конце XIX, а особенно в XX веке быстро развивалась торговля и расширялся внутренний рынок. Большой толчок в этом направлении дала столыпинская реформа. В сельской местности выросло число торговых заведений. В самом Волышове их не было (наверно, такова была воля хозяев заповедного имения), но на расстоянии всего лишь версты, в Максаковом Бору, конкурировали между собой три лавки одного типа, с широким подбором товаров: от лопат и грабель, гвоздей и керосина до ситца, кружев, крупы и конфет. В лавках можно было покупать и в кредит: так боролись за постоянного покупателя.

Кроме лавок, были ярмарки; кажется, ближе всех была ярмарка в Бельском

Устье в день храмного праздника, Вознесения. На поле у дороги выстраивались десятки палаток-ларей - с лакомствами, нарядами, галантереей и даже с книжками широкого спроса. Отличительной чертой ярмарки была торговля головными уборами: мужчины запасались картузами и кепками, а для женщин привозили, кроме платков, тюлевые шляпы с большими полями и цветком (только на головах знакомых крестьянок таких шляп увидеть не случилось).

На ярмарку шел и ехал не всякий, но до всякого добирались торговцы-разносчики. Откуда-то они появлялись обычно летом и из своих коробов вынимали непостижимое количество всяких соблазнов - дешевой кисеи, мадеполама (бельевой материал), тюля, гребешков, кошельков, бумажек с иголками и даже какие-то волшебные японские цветы: опустишь таблетку в воду, и она станет ярким цветком (иногда торговцами-разносчиками были китайцы).

Нигде не торговали готовым платьем: такая торговля - конфекцион - едва-едва начала появляться в больших городах. Великим событием в селе было появление по каталогам рекламы одеял и вязаных жакетов; их можно было выписать по почте из польских текстильных районов, ранее всего из Лодзи. До деревенского жителя эти товары не дошли до самого 1917 года.

Кроме этих разносчиков, помогавших деревенским жителям одеться, нарядиться, пощеголять, еще ездили по деревням мясники и рыбаки - первые из местных крестьян позажиточнее, вторые чаще издалека. Их товары покупались про запас: при каждом доме в Вольшове были ледники или погребца.

Такой же архаичной, исконной, как одежда, была и еда крестьян. Ели то, что сами вырастили, то, что можно было удобнее приготовить, чтобы хозяйка могла уйти на полевую работу, или с мужем по дрова, или на поденщину к помещику.

Хлеб пекли очень умело, но качество его зависело от года: в урожайный год - и не весной, а лишь вскоре после жатвы - тесто ставили из чистой, сеяной муки, но очень скоро (и часто, и у многих) в ход шли примеси: отруби, высевки, лебеда, картофель, солома.

К 1910-м гг. в многих деревнях сеяли пшеницу, но пироги и хлеб из нее были темными и мало отличались, например, от ячневых. Один раз в день, утром, хозяйка топила русскую печку, и первой едой были в деревне блины или кисель - и то, и другое из овсяной, житной (ячменной) или гороховой муки. В пост - с растительным маслом (а постных дней было больше половины в году), в обычный день - с молоком или сметаной. "Десятая вода на киселе" - это выражение выдает тайну хозяек: овсяную муку замачивали и квасили на кисель не один раз, вкусным он был только с первой воды.

Если пеклись хлебы, от них отделялось тесто, чтобы сделать пироги или лепешки - с творогом, картофелем, капустой. Над порховскими "пирогам" крестьяне Псковского, например, уезда смеялись: вместо тонких корочек и сочного, толстого слоя начинки, в соседних с Вольшовым деревнях пекли настоящие "бабашки" из теста с тоненькой прослойкой начинки - по неумению, для сытости, а может быть, и для экономии масла?

Единственным напитком в деревне был квас - в начале срока "молодой", потом очень вкусный, настоявшийся и наконец жидкий и переквашенный, его изготавливали бочонками и пили несколько раз в день. Чай был лакомством, не всем

доступным, к нему был нужен сахар или мед; конечно, сахар только вприкуску: его берегли для детей, для больных. Другой жидкой пищей была похлебка, чаще всего щи, но также и рыбная, и картофельная, и грибная. Чугун с похлебкой, в ряд с чугунами еды и питья для скота, ставили в русскую печь еще тогда, когда горели дрова; потом угли разгребались, чугуны ставились на горячий пол печки, и целый день еда для людей и питье для животных оставались если не горячими, то теплыми. Вторым, а в бедности и единственным блюдом была "тюря" - квас с хлебом, луком, редькой; лакомством - пареная репа или брюква, огурцы, сырая морковь (по-псковски "баркан") и самым любимым - подсолнухи.

К праздничной воскресной еде старались прибавить какого-нибудь мяса; вместо обычного парного или кипяченого молока делали топленое; готовили картофельную кашу на молоке и с яйцами. Из русской печки все, кроме мяса, выходило необыкновенно вкусным (мясо же чаще всего слишком разваривалось).

В большинстве крестьянских домов были, кроме коров, овцы, свинья, куры, но на качестве питания семьи это не всегда сказывалось. Если резали бычка, борова, барана, старались большую часть мяса продать (этим и пользовались скупщики-мясники, перепродававшие потом мясо горожанам или "селовым"). Яйца, творог, цыплят, груши, сливы также берегли впрок и на продажу, во всем себя самих "учитывая" и ограничивая. Невеселая была байка про мужика, который съел целый хлеб с одним вареным яйцом.

Шли на работу "на своих харчах", это означало, что брали с собой квас, хлеб и лук. Когда расчищался парк в Вольшове (об этом уже говорилось), на многих дорожках в сторонке, под камешком, стояли глиняные горшки с квасом, а на них свертки с такими "харчами". Поденная плата была 20 копеек, а если бы взяли кормить, ее бы вдвое урезали.

Рассказ о еде нельзя закончить, не упомянув о "праздничных". Раз в год, в заветный праздник ("храмовой", даже если в деревне никакого храма не было: он считался по приходской церкви), да еще на святках и в Пасху, отбрасывались все расчеты и обычная бережливость. Гостеприимство, радушие и искусство хозяек преображали жизнь, ненадолго всех вырывали из обычной озабоченности, а летом и от отупляющей работы.

Чем больше приходило гостей, тем почетнее и радостнее было хозяевам. Кроме всего, что было запасено дома, заранее закупают "фамильный" чай (значит, не какой-нибудь самодельный, сушеную траву, а с фабрики самого Перлова!), сметки, сахар, конфеты, пряники.

Русская печь с утра выдавала свежий хлеб, пироги, лепешки, самые лучшие блины, а к полудню в ней должны были поспеть "мясное" (одна или несколько похлебок и щей) и обязательно не меньше четырех каш. Мяса не жалели, но и не умели приготовить по-городски; чаще чередовались блюда так, что "на первое" шли каши - что дальше, то более вкусные. Например, в таком порядке: самые простые - ячневая (ее еще называли "дубовой", если зерна были целиком) и овсяная, потом "торговые" - гречневая и пшенная, потом молочные - рисовая и геркулес. А дальше, как самое вкусное, мясные блюда - чтобы в похлебке "ложка стояла".

Даже при гостях ели из общих больших латок - на 4-6 человек, самое мень-

шее; мясо начинали брать по команде хозяина. В обычный день оказавшийся в гостях непривычный горожанин мог при таком обряде выйти из-за стола голодным, но "в праздничный" это было исключено, так как за стол садились много раз в день. Собственно говоря, весь день проходил за едой, выходили ненадолго посидеть на завалинке и снова собирались к столу - хотя бы пощелкать семечек или орехов.

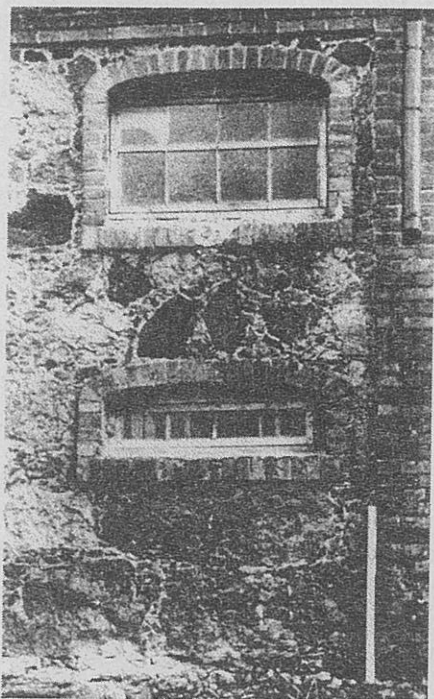
Крестьянка из деревни Олтухово Порховского уезда вышла замуж в деревню Заровецье, что была в нескольких верстах от Пскова. Приезжая потом к родным, А.Я.Максимова говорила, что всей стрянне ей пришлось учиться заново, так как пироги, куличи, творожную пасху, жареные мясо и рыбу, всякие супы, кисели и компоты в деревнях Псковского уезда давно стряпали также, как в самом Пскове. А до этих её рассказов жители Олтухова считали, что лишь волышовцы особенно привередливы на еду, требуют к тому же отдельной тарелки для каждого, а "кофеем" пахнет из всех окон, так что издали уже ясно, что подходишь к Вольшову.

Выпивки, пьянства в глаза не бросались, в Вольшове никто не афишировал приверженность к алкоголю, даже в гостях безобразные сцены были из ряда выходящей редкостью. Вино (водка) продавалось в "казенке", в Бору, на особом винном складе, десертные вина покупали в Порхове, яблочное вино - сидр - делали сами.

Но в окружающих деревнях - особенно "в праздничные" и во время рекрутских наборов - пили порой и неумеренно. В отдельных семьях, случалось, спивались, доходили до запоев и до "белой горячки" отцы или сыновья. Это было бедой, катастрофой, кончалось зачастую смертью или тюрьмой, особенно потому, что праздничное застолье нередко переходило в "гулянье" на улице, выходили наружу обычно затаенные обиды или просто озлобление, и результатом становилась жестокая, бессмысленная драка. Тогда появлялась полиция: урядник командовал, стражники забирали виновных или подозрительных в "кутузку" при волостном правлении в Тишинке, сильно пострадавших, "битых", как тогда говорили, несли в амбулаторию. И все затихало, иногда надолго.

(Продолжение следует.)

Иллюстрации к воспоминаниям Г.В.Проскуряковой

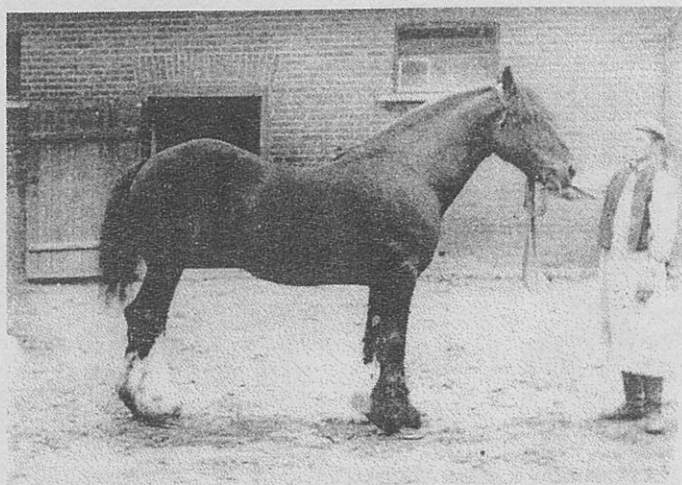
Арабская конюшня и склад.

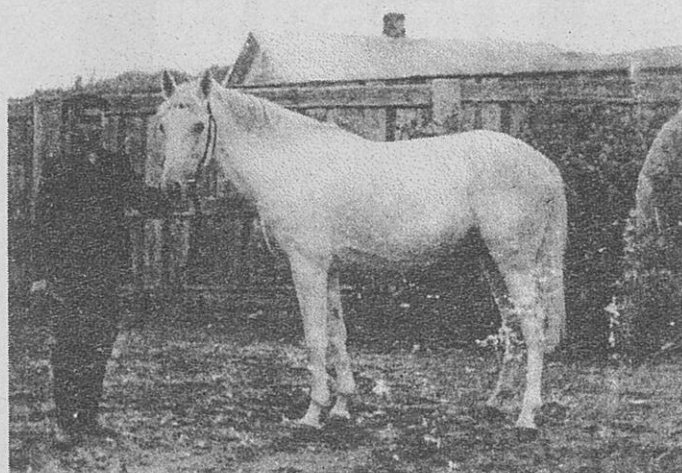
Мельница в парке.

Слепой музыкант с поводырем.

Кинг-Вильям -
лучший тяжеловоз
(с английской конош-
ни).

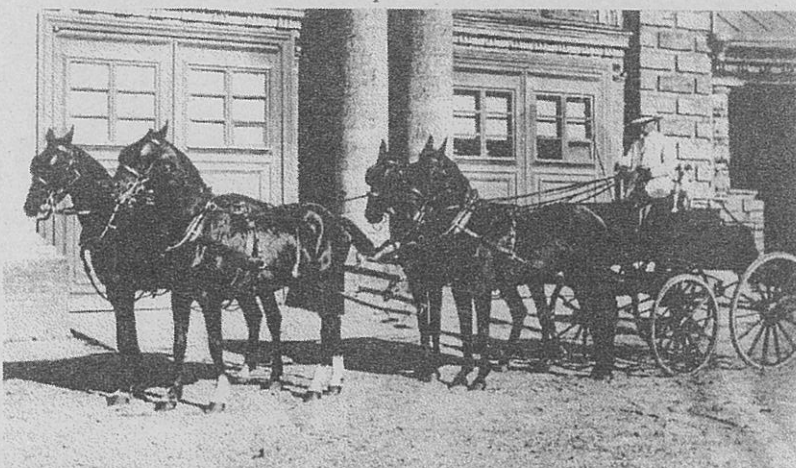
Нарыск-коренник
с казачьей (арабской)
коношни.

Лошадка - "пони".
Фото 1890-х гг.

“Зверинец”.

Выезд “четверкой” с английской конюшни.
На козлах управляющий конным заводом К.И.Пейдж.

Порховские крестьяне. Фото из архива С.Тюльпанова.